

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Научный интерес к белорусско-польско-литовскому пограничью как к исторически сложившемуся топосу, локализованному в географическом центре Европы и «прочерченному» изнутри политическими границами Беларуси, Польши и Литвы, не случаен. Этот регион был и остается местом размежевания, сосуществования и взаимодействия различных социально-политических организмов, этнических, языковых и конфессиональных общностей. Современное белорусско-польско-литовское пограничье предстает как ареал соседства Беларуси, Польши, Литвы и их *внутренних пограничий* с присущим каждому из них *типом культуры*, общей основой которых является приспособленность представителей различных этносов к совместной жизни в условиях культурного разнообразия. Вместе с тем этнокультурная ситуация в белорусско-польско-литовском пограничье представляется достаточно своеобразной. При высоком уровне культурной дифференциации в каждой из сопредельных стран имеют место неоднозначное сочетание культурных и этнических границ, разнотипное взаимодействие культур доминирующего большинства и национальных и этнических меньшинств, что предопределяет особенности идентификационных процессов. Этническая и национальная самоидентификация происходит в ситуациях «один народ – два языка», «один язык – два (три) народа», «одна конфессия – два (три) народа» и т.п., не редуцируется к какому-либо одному культурному основанию и приобретает вариативный характер.

Этнокультурная ситуация в белорусско-польско-литовском пограничье порождает ряд исследовательских вопросов, ключевым среди которых представляется вопрос о культурной *идентичности* этнонациональных общностей пограничья, которая *формируется* в ситуации их соседства, *выявляется* в процессе кросскультурных взаимодействий, *модифицируется* под влиянием факторов локального, регионального, национального и глобального характера, оставаясь выразителем культурной самобытности и исторической преемственности народов региона.

Идентификационные процессы правомерно типологизировать, исходя из трех оснований как расширяющихся концентров. Первое основание – *территориальная идентичность*, выражающаяся в эмоциональной связи человека или группы с определенным топосом и расширяющаяся от «дома» к «миру». Второе основание – *социальная идентичность*, означающая ожидания и мнения других относительно данного человека [1, с.250] и расширяющаяся от микро- к макросоциальной группе. В качестве третьего основания может быть рассмотрена *культурная идентичность*, которая выражает «те аспекты наших идентичностей, которые вырастают из нашей «принадлежности» к различным этническим, расовым, лингвистическим, религиозным и, прежде всего, национальным культурам» [2, с.596] и включающая языковые, религиозные, ценностно-нормативные и иные параметры.

Идентификационная таксономия, и это следует подчеркнуть еще раз, носит «объективный» характер в том отношении и в той степени, в каких сами идентификационные основания «объективны» по отношению к индивиду, а соответствующие зависимости носят неотвратимый, неизбежный характер, являются его «судьбой». Вместе с тем эти зависимости «субъективны» в той мере, в какой индивид свободен в их выборе, изменении, либо ситуативном комбинировании, которое В.Желязны определяет как «конфигурацию идентичностей» и приводит характерный пример подобных конфигураций: житель Монреаля, как правило, и, прежде всего, декларирует свою принадлежность к Квебеку, во-вторых, он американец-франкофон, и лишь затем канадец по гражданству [3, с.54]. Исходя из данного принципа, в настоящем исследовании применен *метод нарративного анализа* сочинений «Я и моя национальность». Исследовательская база представлена 200 сочинениями, собранными автором за последние пять лет.

Результаты исследования идентификационных процессов в культурном пространстве белорусско-польско-литовского пограничья показывают *диссоциацию традиционной белорусской идентичности*, которая в современных условиях продолжает существовать в своих реликтовых формах и трансформируется в двух направлениях: культурно-эссенциалистском (культурно-языковом) и территориально-государственном. Первое направление связано с провоцируемой культурной «инаковостью» рефлексией над культурными основаниями белорусской идентичности. При этом рефлексивное пространство расширяется от локальной к

национальной культуре, от *дома* до *нации* как «воображаемого сообщества». Второе направление трансформации локальной идентичности предопределено фактором белорусской государственности, соседством культурно-политической (польской, литовской) «инаковости» и может быть охарактеризовано как расширение рефлексивного идентификационного поля от «роднага кута» до государства.

В ситуации единого культурного пространства белорусско-польско-литовского пограничья трансформация традиционной идентичности процессуальна и типологически может быть представлена как подвижная комбинаторика вариантов самоидентификации, имеющих культурные и территориальные основания.

Первый тип: *культурно-языковая*, или эссенциалистская идентичность. Ее представителем является белорус как носитель белорусского литературного языка, живущий в мире белорусской культуры. Число представителей такого типа невелико, и социологическими средствами «измерить» прослойку белорусскоязычных белорусов затруднительно. Белорусская идентичность интерпретируется ее носителями эссенциалистски, а язык рассматривается как первичная и сущностная характеристика белорусской нации. При этом белорусская культурно-языковая идентичность, как правило, подкрепляется генетическим и территориальным факторами, однако превалирует над ними. Белорусский язык в культурном пространстве этой группы выполняет роль *символа* национальной культуры, следовательно, ее *смыслового центра*, коммуникативного средства, а также средства репрезентации белорусской идентичности, образуя культурную границу «белорусскоязычные / небелорусскоязычные». Представители этого типа воспринимают белорусский народ как территориально-генетическое, но культурно разделенное по языковому признаку и степени развитости национального самосознания «воображаемое сообщество»; «эссенциалисты» видят в себе сознательных («свядомых») белорусов, являются активными сторонниками национальной белорусской школы, а свою деятельность расценивают как гарант сохранения и самовоспроизводства белорусской нации и ее культуры:

Я належу да беларускай нацыянальнасці. Карані маіх продкаў знаходзяцца на зямлі, якая завецца Беларуссю. Яны пакінулі нам багаты скарб беларускай мовы і культуры і загадалі шанаваць і

абараняць яе не зброяй, а любоўю і павагай да сваёй Радзімы. Беларусь – гэта маці, якая выхавала сваіх птушанят. І паляцелі яны, захапляючыся прыгажосцю наваколля (але не ўсе). Мая маці і бацька таксама непасрэдна звязаны з Беларуссю. Яны шануюць нашу мову і культуру... Я нарадзілася ў горадзе Гродна, і ўсё маё жыццё звязана з гэтым месцам, якое напоўнена для мяне сваёй прыгажосцю і характам. Мая родная мова – беларуская. Але ў іншых абставінах я размаўляю па-расейску» (студентка, г.Гродно, 19 лет).

Культурная ідэнтычнасць асабліва характэрна для беларусоў-католікоў у сітуацыі «одна рэлігія – два народа». У сітуацыі «адзінства веры» этнанацыянальная дыферэнцыяцыя «беларус-католік / поляк-католік» ажыццяўляецца імяна на культурна-языковых асновах. Данная сітуацыя, характэрная для сучасных этнанацыянальных ідэнтыфікацыйных працэсаў, мае гістарычныя карані, паколькі, як добра вядома, фарміраванне новай беларускай культуры во другой паловіне ХІХ в. было звязана імяна са каталіцкай традыцыяй (Ф. Богушевіч, А. Пашкевіч, Я. Купала і др.).

Культурна-языковай тып беларускай ідэнтычнасці рэфлексіўна, не рэдуцыруе аднозначна да прымордыяльных сувязяў і дапускае магчымасць «быць беларусамі» тым, хто такімі не з'яўляецца па генетычным прызнаку – рускім, полякам і т.п., якія сустракаюцца ў беларускаязычнай сродзе.

Другой тып беларускай ідэнтычнасці правмерна вызначыць як *сімвалічны тып*, звязаны з паняццем сімвалічнай этнічнасці. Гэты тып прадстаўлены рускоязычнымі беларусамі, прымаючымі культурнае status quo, але асознаючымі *сопрычастнасць* да беларускай нацыянальнай культуры ў яе актуальным і гістарычным аспектах як да «сваёй»:

Я беларуска. Усе мае продкі беларусы, праваславныя. Мой родны язык рускі, хоць я валдаю беларускім. Умею разгаварваць на беларускім, англійскім, польскім. С моім народам мяне звязваюць агульнае нацыянальнае наследдзе, культура, обычаі і традыцыі (учащаяся, 16 лет).

Сімвалічны тып беларускай ідэнтычнасці рэфлексіўна, ў значительнай меры прадвызначаны этнічнай сацыялізацыяй ў працэсе вывучэння беларускага языка, літаратуры, адчужаенай гісторыі і другіх гуманітарных дысцыплін. Гэты тып звычайна падкрэпляецца як лакальна-прымордыяльнымі сувязямі, так і

фактором государственности и выступает в комбинированных формах.

По национальности я белоруска. Как я воспринимаю свою национальность? Откровенно говоря, я никогда об этом не задумывалась. Наверное, это вызывает у меня некоторое чувство гордости, т.к., например, я не хотела бы быть полькой. Почему так? Не знаю. Наверное, потому, что я родилась и выросла на белорусской земле. Когда я пошла в школу, мне очень нравилась учительница белорусского языка и литературы и ее уроки. Образ этой женщины я пронесу и сохраню всю жизнь. Наверное, именно она и привила мне, и не только мне, любовь к нашей белорусской земле, к родному языку (белорусскому). Свою национальность я узнала очень давно, сколько помню себя, я всегда знала свою национальность (студентка, 20 лет, г. Гродно).

Я белоруска. Мои родители тоже белорусы. Я родилась в Гродненской области. Родной язык – белорусский, но обычно я разговариваю по-русски. Мне хотелось бы, чтобы белорусы знали и любили свой язык, разговаривали по-белорусски, но реально я понимаю, что в нашей стране преобладает русский язык, и белорусский язык никогда не будет языком своего народа (студентка, 19 лет, г. Гродно).

Смысловым центром культурного пространства, к которому принадлежит этот тип, является белорусская культура, язык, фольклор, выступающие в их символической функции. Символический тип выявляется в кросскультурных отношениях с Другими, прежде всего, с русскими, и связан с символическими границами общего культурного пространства.

Третий тип белорусской идентичности правомерно определить как *ирридентный тип*, при том, что под культурным ирридентизмом понимается «возвращение к корням», к истокам культуры, в условиях пограничья – присвоение русскоязычными белорусами белорусской культуры и переход на белорусский язык. Этот тип рефлексивен, связан с осмыслением противоречия между этнической и культурной принадлежностью белорусов, провоцируется кросскультурными встречами с выраженной инаковостью (польскоязычный поляк, украиноязычный украинец, литовскоязычный литовец). Представители этого типа немногочисленны, но характерны именно для пограничья:

По национальности я белоруска. Родители мои, бабушки и дедушки также все белорусы. Мое отношение к своей

национальности, мысли об этом начали беспокоить меня совсем недавно. Живу я в районе, где основное население – белорусы. А приехав в Гродно, у меня появилось столько друзей и знакомых поляков, литовцев, что пришлось задуматься над этим вопросом. Основное, что я заметила – их высокое национальное самосознание. Они так высоко ценят свой образ жизни, свой язык, так уважают себя как нацию, что моему удивлению нет предела. А что же белорусы? «Веселая, добрая душа», над ними можно насмехаться, критиковать, кстати, это делают чаще всего они сами. «Знаем, знаем все наши недостатки, но виноваты не мы...». А если кто и защищает яростно свою белорусскую культуру, то на него смотрят, простите, как на ненормального (20 лет, студентка, г. Гродно).

Фактор белорусского суверенитета представляется чрезвычайно важным для формирования белорусской идентичности на государственной и гражданской основах. В перспективе белорусская идентичность может приобрести двухуровневый характер – как государственная и этническая.

Белорус перед выбором идентичности. Кросскультурные отношения позволяют выявить различные переходные типы и проявления белорусской идентичности. Они связаны, главным образом, с ситуацией выбора идентичности, в которой оказываются дети из этнически смешанных семей. Мы определяем эти переходные типы как *амбивалентный, бинарный и инверсионный*.

Амбивалентный переходный тип самоидентификации однозначно недифференцирован и выступает в различных комбинациях типа «поляк-белорус», «полубелорус», «нечистокровный белорус», «белорус с польскими (русскими и т.п.) корнями» и т.п. Как правило, амбивалентный тип тяготеет к самоидентификации по территориально-государственному основанию.

По национальности я белорус, но не чистокровный. Мать моя русская, а отец белорус. Но я выбрал все-таки национальность «белорус», потому, что живу на Беларуси, тем более, когда она стала независимым государством (учащийся СШ, г. Гродно, 15 лет).

У поляков, русских, украинцев и других этносов пограничья происходят в основном схожие идентификационные процессы, предопределенные культурно-языковой гомогенизацией. В этих процессах культурная идентичность приобретает *символический*

характер. Исключение составляют литовцы, сохранившие национально-культурное своеобразие, в котором литовский язык выступает не только как национальный символ, но и как средство повседневной коммуникации. В целом идентификационные процессы в белорусско-польско-литовском пограничье носят процессуальный характер и могут быть охарактеризованы как поиск основ культурной идентичности каждым из этносов. Будущее покажет, насколько этот поиск окажется продуктивным и позволит обеспечить самосохранение и самовоспроизводство культурного многообразия пограничья.

1. *Barker, Ch.* Studia kulturowe: Teoria i praktyka / Ch.Barker; przekład A.Sadza. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. – 569 p.

2. *Hall, S.* The Question of Cultural Identity / Modernity: An Introduction to Modern Societies / S.Hall, D.Held, D.Hubert, K.Thompson (eds.) – Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1996. – P. 595–664.

3. *Żelazny, W.* Etniczność: Ład – konflikt – sprawiedliwość / W.Żelazny. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. – 261 s.